

О НЕКОТОРЫХ ПРЕДИКАТИВНЫХ ФУНКЦИЯХ ЛИТОВСКОГО ПРИЧАСТИЯ

(Синтаксический очерк)

ИРЖИ МАРВАН (ПРАГА)

Для исследований в области исторического синтаксиса совершенно справедливо выдвигается требование системного подхода. Такой подход гарантирует верное объяснение отношения части к целому, места отдельного явления в системе и тем самым делает возможным — что особенно важно в области синтаксиса, т. е. при изучении синтаксических моделей — правильно осветить характер происхождения и развития известного факта. В настоящем очерке мы стараемся применить этот подход в одной из важных областей синтаксиса *verbi infiniti*, в области причастных конструкций. В качестве исходного пункта избирается литовский язык на разных исторических этапах его развития, причем главное внимание уделяется современному языку, как лучше всего доступному. Сравнение с соответствующими латышскими и славянскими фактами должно, с одной стороны, подтвердить выводы предшествующего анализа, с другой — указать на специфичность балто-славянских синтаксических явлений. Очерк занимается темой, которая относительно хорошо изучена; к наиболее полезным следует отнести грамматики Потевни и Эндзелина, а также монографии Френкеля и Тангля¹, что в известной мере определяет характер очерка.

1. В литовском языке после глаголов «выявления и восприятия»² имеется в обиходе причастный оборот типа *jis žino tėvą atėjus(i)* «он знает, что отец пришел». Следует предполагать, что форма дополнения (*tėvą*) и по согласованию также форма причастия (*atėjusi*) вначале мотивировалась аккузативным управлением глагола в личной форме

¹ См. А. Потевня, Из записокъ по русской грамматикѣ, Харьковъ, 1874, стр. 39—57, 238—251; Москва, 1958, стр. 156—167, 307—319; J. Endzelin, Lettische Grammatik, Riga, 1922 (Heidelberg, 1923), §§ 766—773, 804, 805, 808, 810; E. Fraenkel, Syntax der litauischen Kasus, Kaunas, 1928, p. 16—20, 154—156; E. Tangl, Der Accusativus und Nominativus cum Participio im Aitlitauischen, Weimar, 1928.

² Этим термином мы условно называем *verba dicendi, audiendi, videndi, sentiendi, sciendi* и близкие по семантике глаголы (такими могут быть, напр., *verba faciendi*; ср. 8).

(*žino*). Такой оборот встречается и в других индоевропейских языках и способен подвергаться разного рода изменениям (напр., в греческом, готском и др. языках абсолютизации). Цель настоящей статьи — объяснить, каково развитие этой конструкции в балтийских и славянских языках, в частности, в литовском.

2. Как мы уже отметили, первичной мотивировкой аккузативной конструкции являлось аккузативное управление управляющего глагола или же грамматическая категория переходности³. Но в литовском языке эта мотивировка суживается на глаголы выявления и восприятия, аккузативное управление «управляющего» глагола необязательно, грамматическая категория заменяется семантической категорией. Связь оборота⁴ с предложением, ввиду утраты грамматической мотивировки, ослабляется, оборот приобретает автономный (полусамостоятельный) характер⁵. Формально этот процесс выявляется в том, что причастие может потерять согласование с существительным в винительном падеже, получив форму без окончания (*tėvą atėjusį, tėvus atėjusius* > *tėvą atėjus, tėvus atėjus*), соответствующую т. наз. герундию (*padalyvis*)⁶ в обороте дательный самостоятельный; ср. *jis tai sakė tėvui atėjus* «он это сказал после прихода отца». Эти два оборота (дательный самостоятельный и аккузативная конструкция), наряду с формальным соответствием, обладают общей синтаксической чертой —

³ Ср., напр., греческое *πέμπει πρέβεις λέγοντας* «шлёт послов говорящих=чтобы сообщили, с сообщением», чему соответствует др. *Олговичи же другия послы послаша ко Рюрикови молвяхи ему* (Киев. летоп.) «чтобы сказали ему».

⁴ Учитывая форму этой конструкции, мы ее в этой статье будем называть аккузативной конструкцией.

⁵ Аккузативная форма может тогда появляться и в таких случаях, где она не мотивирована управлением, особенно часто после возвратных глаголов: *kalba apie tave* «говорят о тебе», но *kalba tave gerai dirbant* «говорят, что ты хорошо работаешь», ср. *Girdeiom apie... Kristu, Ghi isch Pannos Marios... gimusi (=ji gimusi)* (Бреткунас) «мы слышали о Христе, что он из девы Марии родился» (Тангль, цит. соч. 45); *džiaugiuos tėvą atėjus* «радуюсь, что отец пришел»; силу семантической мотивировки доказывают такие частные случаи, как *dar nebuvo žymu gyvybę jame besibaigiant* (Вайжгантас) «еще не было видно, что он скончался»; ср. еще пример из цит. соч. Тангля, стр. 46, где аккузативная форма мотивирована не глаголом, а близким по значению прилагательным — членом составного сказуемого; в таком случае можно говорить об абсолютизации оборота. Аккузативная форма часто появляется даже после глаголов с отрицанием, генитивное управление последовательно сохраняет глагол *laukti* «ждать».

⁶ Если исходить из литовских данных, несогласованная форма в аккузативной конструкции представляется прогрессивным нововведением (ср. E. Tangl, цит. соч., стр. 46). Но как указал уже И. Зубатый, конструкция с абсолютным (несогласованным) причастием засвидетельствована другими древними индоевропейскими языками (авестой), так что архаичность аккузативной конструкции с абсолютивом (развившимся, по Зубатому, из неразделенной дативно-локальной формы причастия) не исключена; ср. J. Zubať, *K výkladu některých příslovčí, zvláště slovanských*, *Sborník filologický*, III, 1912, стр. 120—167 (*Studie a články*, sv. II, Praha, 1954, стр. 106—161).

общей функцией второстепенной предикации. Первичность дательного самостоятельного в этом отношении очевидна⁷.

3. Наряду с аккумулятивной конструкцией имеется в литовском языке еще родственная конструкция типа *jis žinosi, sakosi atėjęs* «он знает, говорит о себе, что пришел», *jautėsi vienas pats esąs* (Вайжгантас) «он чувствовал, что он есть сам», *sakėsi jaučiąsis neblogai pasiruošęs egzaminams* (Венцлова) «он сказал, что чувствует, что неплохо подготовился к экзаменам», *apsimetė miegąs* (сказка) «притворился спящим, притворился, что спит». В этих оборотах управляющий глагол приобретает возвратность и причастие обладает номинативной формой, согласуясь с подлежащим в падеже, числе и роде⁸. Эта конструкция получила правильное истолкование уже в первой литовской грамматике Д. Клейна: *Post verba reciproca eleganter sequitur participium nominativi casus, qui per accusativum cum pronomine reciproco et verbo finito simplici explicari potest, ut: sakofi turis dicit se habere, tarefi teifus esąs putavit se justum esse, pro sako | sawę turinti; tare | sawę teifu santi* (стр. 165)⁹. Итак, можно было сказать не только *sako tėvą atėjus(i)*, а также *sako save atėjus(i)*. Наряду с возникновением таких возвратных форм, как *prausti save > praustis* «мыть себя — мыться», *kelti save > keltis* «поднимать себя — подниматься, вставать», возникали формы типа *žinoti save > žinotis* «знать (о себе)», *sakyti save > sakytis* «говорить о себе». Таким образом, субъекты обеих предикаций, главной и второстепенной, совпали, ввиду чего причастие должно было согласоваться. Поражающее меткое объяснение этого явления Д. Клейном указывает на возможность варьирования еще в его время обоих оборотов (*sako save atėjus(i)/sakosi atėjęs*). Итак, номинативная конструкция представляется вариантом аккумулятивной конструкции, развившимся из нее. С точки зрения синхронии обе конструкции объединяет категория глаголов выявления и восприятия.

4. У номинативной конструкции следует еще отметить особый характер возвратности у глаголов выявления и восприятия. Возвратные глаголы в балто-славянских языках берут свое начало в таких предикативных сочетаниях, в которых совпадал объект (аккумулятивный и отчасти также дательный) с субъектом¹⁰. Этому принципу формально со-

⁷ Форма без окончания в аккумулятивной конструкции хорошо известна уже Д. Клейну, см. D. Klein, *Grammatica Litvanica 1653 (Pirmoji lietuvių kalbos gramatika, Vilnius, 1957)*. Называя эти формы (напр., *dawus, dąsent*) инфинитивами, он имеет в виду их функциональное сходство с латинскими инфинитивами (*dedisse, daturum esse*) в обороте *accusativus cum infinitivo*.

⁸ Этот оборот мы называем номинативной конструкцией. Ее следует отличать от деепричастных оборотов типа *sako atėjęs* — «говорит, пришедши», *sako ateidamas* «говорит, приходя»; ср. еще *džiaugėsi ateidamas* «радовался, приходя», но *džilaugėsi ateinąs* «радовался, что приходит», хотя иногда оба оборота могут совпасть: *džiaugėsi atėjęs* «радовался, пришедши», а также «радовался, что пришел».

⁹ Другие примеры см. у Френкеля, цит. соч., стр. 155 (за это указание я обязан доц. Палионису).

¹⁰ Ср. В. Наврѓанек, *Genera verbi vo slovanských jazycích, I, Reflexivní forma slovesná, Praha, 1928*.

ответствовал оборот (*jis*) *sako save (atėjusi)*, несмотря на то, что он оформился в других условиях, мотивируясь семантической категорией глаголов выявления и восприятия и не представляя, таким образом, отношения предикат-объект (см. 2). Отмечая особенное происхождение и функцию этих возвратных форм, мы предлагаем выделить их среди других рефлексивных глаголов и назвать условно их функцию псевдореклексивностью, а их самих — псевдореклексивами¹¹.

5. Специфичность псевдореклексивной формы выявляется не только по отношению к другим возвратным глаголам, но также своим местом в самой номинативной конструкции. Эта форма, с одной стороны, как будто сплавливает всю конструкцию, но с другой — она синхронически не мотивирована и может быть удалена, если она окажется ненужной, т. е. тогда, когда для этого сплочения достаточно одного согласования подлежащего с причастием. Итак, наряду с оборотами *sakosi ateinąs, ateisiąs* «говорит, что приходит, придет», *nešizino, ką darąs, kur einąs* «не знает, что делает, куда идет», встречаются обороты *sako ateinąs, ateisiąs; nežino, ką darąs, kur einąs; jautė darąs savo pasakojimu didelį įspūdį* (Слуцкис) «он чувствовал, что своим рассказом производит большое впечатление», *pasisakė esąs labai nelaimingas, dejavo neturįs sveikatos* (сказка) «говорил, что он очень несчастлив, охал, что он нездоров», *pasakojo, kur ir kiek nupirkęs miško* (Яблонскис)¹² «рассказывал, где и сколько купил леса», *nė vienas nežinojo, kas dabar bedarą* (Яблонскис) «ни один (из них) не знал, что они (те же самые) делают». Такие обороты конкурируют с формально бессоюзными (асиндетическими) сложноподчиненными предложениями типа *sako, ateina visada laiku* «говорит, (что) приходит всегда вовремя», близкими по происхождению сложноподчиненными предложениями типа *nežino, ką daro, kur eina* «не знает, что делает, куда идет»¹³. Итак, номинативная конструкция осмысливается как вариант сложноподчиненного предложения, а причастие — как предикат придаточного предложения; причастие получает функцию *verbi finiti*. Но если причастие обладает такой функцией, то оно может по примеру других личных форм видоизменяться — получить чисто формальный союз *kad, jog* «что» [*sako(si), kad atėjęs; žadėjo, kad šiandien mus atlinkysiąs* (Словарь лит. яз., т. V) «обещал, что нас сегодня посетит»], приобрести свой собственный субъект (*sako, (kad) tėvas atėjęs; girdėjau, jog svei-*

¹¹ Некоторые данные по вопросам предшествующих разделов содержатся также в статье С. И. Груздевой (см. С. И. Груздева, Атрибутивные и предикативные функции причастия -ęs в литовском языке в сравнении с русскими конструкциями, Исследования по грамматике русского языка, I, ЛГУ, Ленинград, 1958, стр. 222—245). Эта статья имеет сопоставительно-описательный характер.

¹² Примеры с этой пометой почерпнуты из сочинения И. Яблонскиса (см. J. Jablonskis, Lietuvos kalbos sintaksė, Seinai, 1911, в сб.: Rinkiniai raštai, I t., Vilnius, 1957).

¹³ Конечно, отсутствие, точнее факультативность, псевдореклексивности — это только одна из причин столкновения этих двух типов.

kas esąs (Словарь лит. яз., т. III) «я слышал, что он здоров», *klausia erelį, ar nėsąs matęs kur dvylikos brolių juodvarniais lakstančių* (Яблонскис) «спрашивает орла, не видел ли где-нибудь двенадцать братьев вóронами летящих», *vis jam po galvą sukosi mintis, kad atrasiąs kažin kokius pinigų...* (сказка) «всё у него в голове вертелась мысль, что найдет какие-нибудь деньги» и т. д.); наконец, может оно совсем стать самостоятельной предикацией, самостоятельным предложением. Но на самом ли деле отличается причастный оборот от оборотов с личной формой только формально? Этот оборот не утрачивает мотивировку глаголов выявления и восприятия, хотя последние могут редуцироваться в одну только факультативную частицу (*girdi, mat, klausai, vadinas, tarytum, tartum, aure*) или *mutatis mutandis* в общем утратиться. Даже тогда сохраняется семантический элемент, выражающий относительность, пересказочность. Причастие не просто конкурирует, а получает специфическую функцию пересказочности¹⁴, его в этой функции принято называть пересказочным наклонением (*modus relativus, atpasakojamoji nuosaka*). Термин *modus relativus* нам кажется удобным, так как это наклонение способно выражать действие, совершающееся вне, независимо от говорящего или действующего лица: *tėvas atėjęs* «отец, мол, пришел», *pavasariį gi, kai išsiskirstysią ledai, galėsią jie vėl pagrįžti laivan, jei tik laivas išliksią sveikas* (Яблонскис) «весной же, когда тронутся льды, они мол будут мочь опять вернуться на судно, если только судно останется целым», *tėvai žiūri — visas žalčių pulkas bešliuotįs į jų kiemą* (Яблонскис) «родители смотрят — целая толпа ужей ползет в их двор», *įpuoliau... ten Marė lovą besitaisanti* (Жемайте) «я бросился в комнату (и вижу)... там Маре постилает кровать». В литературе пересказочное наклонение стало стилистическим приемом для выражения несобственнопрямой речи, чем и получает перспективы дальнейшего развития¹⁵.

¹⁴ По словам Т. П. Ломтева, древнерусское причастие специализируется «на такой предикативной функции, которая отличается от предикативной функции глагола» (см. Т. П. Ломтев, Очерки по историческому синтаксису русского языка, Москва, 1958, стр. 176). Этому же процессу подвергаются в литовском языке еще интенсивнее не только причастия, а также другие формы *verbi infiniti*. В связи с анализом возникновения пересказочного наклонения целесообразно указать на аналогичное развитие литовско-латышского условного наклонения из супина. Утрачивая свой именной характер, супин начал пониматься как второстепенная предикация, зависящая от глагола движения. Впоследствии эта зависимость могла оформляться союзом. Здесь, в отличие от причастной конструкции, утратилась семантическая мотивировка глаголов движения; это следует объяснить тем, что здесь не было конкуренции с личными формами глагола. Колебания между формой супина (формой без союза) и условного наклонения (той же самой формой с союзом) можно еще доказать на вариантах древнелитовских катехизисов.

¹⁵ Напр., у I. Simonaitytė — *pasisakė, kad norėtuminti čia pasilikti, jeigu ją tik kaip nors priimtų. Darbo ji nebijanti* «она сказала, что хотела бы здесь остаться, если бы ее только приняли. Она, мол, работы не боится». Здесь *norėtuminti* — пересказочная форма условного наклонения.

По вопросам предшествующих разделов см. еще В. Delbrück, *Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen*, II, Strassburg, 1897, S. 490—492.

6. Опираясь на истолкование пересказочного наклонения, целесообразно указать на возникновение союза *esq* «будто». Начало свое он берет, очевидно, от причастной формы глагола *būti* «быть» в функции второстепенной предикации: *jie ginasi esq nekalti* «они защищаются, будто они не виноваты», *pasakojo, esq vėžiai gludūs po akmenimis* (Слуцкис) «рассказывал, будто раки под камнями гладкие». Известно, что в литовском языке связка в настоящем времени необязательна, факультативна, поэтому причастную форму начали понимать как союз. Для этой функции лучше всего пригодилась нейтральная форма среднего рода¹⁶.

7. Отмечается поразительное сходство литовских фактов с латышскими. Литовской аккузативной конструкции *sako tėvą atėjus(i)* соответствует оборот *saka tėvu atnākus(i): teicat māsas darba nemākošas/nemākot* „sagt, dass die Schwester keinerlei Arbeit verstehen“¹⁷, номинативной конструкции *sakosi atėjęs* соответствует оборот *sakāsi atnācis: tu teicies sētu sargus/sargots* „du behauptest das Gesinde zu hüten“, *zīnos dzīvojusi liksmu mūžiņu* „ich bin mir bewusst, ein frohes Leben zugebracht zu haben“. Пересказочное наклонение подвергалось в литературном языке и в некоторых диалектах основательным изменениям. Оно используется только в настоящем и будущем времени, формально совпадая с герундием (*atnākot, atnākšot*): *tēvs atnākot, atnākšot* «отец, мол, приходит, придет», *veči priecājās: būšot jauns arājinš* „die Alten freuten sich: es werde ein junger Pflüger da sein“, *Hm! Es šim patīkot* (Блауманис) «Гм! Я им, мол, нравлюсь». Положение, что герундиальная форма в этом наклонении вторична, достаточно убедительно доказано Эндзелином. Утрата прошедшего времени пересказочного наклонения в литературном языке и в некоторых диалектах объясняется следующим образом: номинативная конструкция, из которой возникло пересказочное наклонение, утратив возвратность личной формы глагола, ничем не отличалась от деепричастного оборота типа *sacīja atnācis* «сказал пришедший», между тем как в настоящем времени деепричастной функцией обладало полупричастие и в будущем времени такой функции вообще нет; во-вторых, пересказочное наклонение совпадало с часто встречающейся перфективной формой, пропустившей в настоящем времени вспомогательный глагол-связку *ir*: *tēvs (ir) atnācis* «отец (есть) пришедший, пришел». Однако в некоторых случаях (напр., в сказках, рассказах и т. п.) можно также бессвязочные перфекты подозревать в пересказочности: *Vienreiz barons gājis pa ceļu. Ceļa malā Jānis ganījis govīs. Jānis gulējis un skatījies debesis...* (фольклор) «Раз (какой-то) барон шел по дороге. Около дороги пас Янис коров. Янис лежал и смотрел в небо...»

8. Также славянские языки в своей истории обладали некоторыми поразительно сходными чертами. Аккузативная конструкция (напр., *slyšite gospođь glagoleštъ* (Супр 357) ἀκούθητε τοῦ κυρίου λέγοντος), как

¹⁶ См. литературу: E. Fraenkel, Litauisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg, 1956, S. 124.

¹⁷ Примеры с немецкими переводами взяты из цит. соч. Эндзелина.

отмечается в абзаце 1., может быть сама по себе не слишком характерным соответствием. Гораздо более важным сходством является номинативная функция и псевдореклексивность (последнее сходство опирается на более широкую общую черту — балтославянскую глагольную категорию возвратности): *повѣдаше бо ся изъ инога града пришедши* (Сказ. Бор. Гл.) *чуется отъ хлѣба животнаго пищу приемля* (Панд. Ант.), дч. *ješto živ vida se býti nemoħa, i pŕijímá pokání* (O sv. Jeronymovi) «который, видя, что не может остаться в живых, приносит покаяние», sv. *Bernard uzřě se přěd králem nebeským na súdě stojě* (Pasionál) «св. Бернад увидел себя, как стоит перед королем небесным в суде», *chovaj se ocasa nezbudu* (Tkadleček) «смотри, чтобы ты не лишился хвоста»; очень часто эта конструкция встречается после глагола *тънѣти* ссл. *a iže ne imatŕ i eže тъnitŕ se iměje, otŕimetŕ se otъ nego* (Зоорр. 8, 18) *δομεῖ ἔχειν* = дч. *a ktožkoli nej má, také ač mní se co jmaě, bude ot něho vzato* (Bible Drážďanská) *putat se habere*; наряду с ссл. и др. *тънѣacho duchъ видеште* (Л 24,37) *ἐδοχοῦν πνεῦμα θεωρεῖν* стоит дч. *mniechu se duch vidúce* (Ev. zimnieho času) *existimabant se spiritum videre*; часто она встречается также после глаголов *faciendi*: др. *творящєся на помощь пришедше* (Троиц. л.), дч. *činí se mateře neznaě* (Ev. sv. Matouše) «притворяется, что не знает матери (своей)». В одном примере (Л 24,37) мы уже заметили отсутствие рефлексивности; пример из дч. *myslěch leže sám jediný* (Alexandreis) «я думал, что лежу один». Хотя в славянских языках нет пересказочного наклонения, ему близки такие обороты, где номинативная конструкция приобретает форму сложного предложения: др. *не вѣдахуся, а кмо бѣжаче* (Пов. вр. л.), *аште добро твориши, вѣжься, кому творя* (Изб. 1073), дч. *neviem co čině* (Štítňý) «не знаю, что делаю», *nevědě se kam uteka* (Svatovítský гкр.) «не знаю, куда бежать». Итак, нельзя согласиться с положением Травничека, по которому сочетания типа *čso čině, камо бѣжаче* являлись первично самостоятельным вопросительным предложением¹⁸; ср. еще дч. пример *nevie nakrmiesi čím své dušě* (Hradecký гкр.) «не знает, чем накормит свою душу», где такая трактовка исключена. Эти обороты только вторично сблизилась с сочетаниями типа *neviem, čso činiti, kam jíti* «не знаю, что делать, куда идти», где сочетание *čso činiti, kam jíti* являлось вначале одночленным предложением с зависимым инфинитивом, ср. лит. (*žinau*) *kas* (им. пад.!) *daryti, kur eiti*. Это сближение, по-видимому, повлияло также на формирование близких оборотов без глагола выявления или восприятия *nenie, kto pomoħa* нет никого, кто поможет и т. д.¹⁹

¹⁸ См. F. Trávníček, *Historická mluvnice česká*, III, Praha, 1956, стр. 185.

¹⁹ Другие примеры взяты в основном из соч. И. И. Срезневского (см. И. И. Срезневский, *Материалы для Словаря древнерусского языка*, Санктпетербургъ, 1893—1903, Москва, 1958. Др. примеры см. еще J. Gebauer, *Historická mluvnice jazyka českého*, IV, Praha, 1929, стр. 597—603, 616, о гр. *mnieti se* J. Gebauer, *Přispěvky ke kritice a výkladu textů staročeských*, *Listy filologické*, 9, 1882, стр. 104—117; примеры из ссл. и других языков см. также W. Vondrák, *Vergleichende Slavische Grammatik*, II, *Formenlehre und Syntax*, Göttingen, 1928, S. 405—407.

9. Поражает замечательная близость балтийского пересказочного наклонения с эстонским косвенным наклонением (*modus obliquus, kaudne kõneviis*): *isa tulevat* «отец, мол, приходит, придет». Здесь форма *tulevat* (от глагола *tulema* «приходить») является формой партитива причастия настоящего времени. Опираясь на это соответствие, В. Пизани, согласно своим убеждениям, отрицает индоевропейское происхождение балтийского пересказочного наклонения²⁰. Но каковы же аргументы в пользу его положения? Трудно отрывать балтийское пересказочное наклонение от номинативной и аккузативной конструкции. Близкие, но отнюдь не сходные конструкции можно отметить в прибалтийско-финских языках, ср. фин. *sanoo isän tulevan* «говорит, что отец приходит», *sanoo tulevansa* «говорит (о себе), что приходит». Первый оборот вполне соответствует литовскому обороту *sako tėvą ateinantį (isän — дополнение в аккузативе, tulevan — согласованное с ним причастие настоящего времени)*, но соответствие таких оборотов, как мы уже отметили (см. абз. 1, 8) нехарактерно. Во втором обороте, где субъект обеих предикаций совпадает, отсутствует объект (категории возвратности в финском языке нет), а причастие, сохранив форму аккузатива, получает притяжательный элемент. Эстонская форма косвенного наклонения *tulevat* производит впечатление абсолютной конструкции и напоминает вторичную пересказочную форму в латышском языке: *isa tulevat — tėvs atnākot* (ср. абз. 7). Если искать согласованный оборот, служивший исходной формой косвенного наклонения, следует учесть объектную функцию партитива. Наряду с исходными моментами между балтийскими и прибалтийско-финскими языками имеется ряд различий. Итак, славянские языки, хотя они и не располагают пересказочным наклонением, характеризуются по отношению к балтийским языкам родственными чертами, а прибалтийско-финские языки — близкими (в сопоставительном плане) чертами. В. Пизани в принципе справедлив, упрекая балтистов в том, что они игнорируют факты соседних неродственных языков²¹, но всякое такое исследование требует конкретного анализа в конкретной системе, а не только увлечения броскими частными соответствиями.

10. Подводя итоги настоящего очерка, мы отмечаем синтаксические изоглоссы балтийских и славянских языков: аккузативную и номинативную конструкции и псевдореклексивность; литовско-латыш-

²⁰ См. V. Pisani, Zu einer baltisch-estfennischen Partizipialkonstruktion, Rakstu krājums J. Endzelīnam, Rīga, 1959, стр. 215—218.

²¹ В области *verbi infiniti* можно указать на функциональное сходство восточнобалтийского полупричастия (-*damas*) с инессивной формой финского II инфинитива (эстонского *da*-инфинитива); в эстонском языке эту форму называют также *desgerundiv*. Нам однако кажется сомнительным толковать неудовлетворительно объясненный элемент *-d-* балтийского полупричастия как влияние прибалтийско-финской формы. В отношении между балтийскими и прибалтийско-финскими языками в общем поражает сходство моделей при отсутствии большего количества матеральных соответствий; этот факт указывает на специфику их отношения. Следует выделить также финно-балтославянские модельные соответствия, напр., строгое различие двух типов прямого объекта — неполного (также после глаголов с отрицанием!) и полного.

скую категорию пересказочного наклонения. В сопоставительном плане также факты прибалтийско-финских языков заслуживают внимания. Привлечение балтийских, главным образом литовских, фактов открывает для славянского сравнительного синтаксиса новые пути. Другое важное требование — применение более широкого материала, в первую очередь, материала главных исторических представителей всех трех групп славянских языков — старославянского, древнерусского и древнечешского. Для сравнительно-исторического метода в области славянского и балтийского языкознания осталось еще много неиспользованных возможностей.

Įteikta 1961 m. kovo mėn.

ÜBER EINIGE PRÄDIKATIVE FUNKTIONEN DES LITAUISCHEN PARTIZIPS

(Syntaktische Skizze)

Jiži MARVAN (Prag)

Resümée

1. Im litauischen Konstruktionstyp *sako tėvą atėjus(i)* „er sagt, dass der Vater gekommen ist“ wurde der Akkusativ ursprünglich grammatisch motiviert, und zwar durch die Rektion des regierenden Verbs. 2. Die grammatische Motivierung wurde durch die semantische ersetzt, d. h. durch die Motivierung der Verben dicendi, audiendi, videndi, sentiendi, sciendi und ihresgleichen; durch diese Veränderung wird die Partizipialkonstruktion selbständig, was dadurch zum formalen Ausdruck kommt, dass die Partizipialform die nicht-kongruierte, die Gerundialform (*atėjus*) annehmen kann. 3. Neben der Konstruktion *sako tėvą atėjus(i)* ist auch die Konstruktion *sako save atėjus(i)* „er sagt (von sich), dass er gekommen ist“ belegt; mit der Entstehung der Reflexivverben kann diese Konstruktion in eine nominative, nämlich *sakosi atėjęs* umgewandelt werden, wo beide Prädikationen ein gemeinsames Subjekt haben und das kongruierende Partizip folglich in der Nominativform steht. 4. Die Entstehung des Reflexivtyps *sakosi* (<*sako save*) entspricht in formaler Hinsicht der Entstehung anderer Reflexivverben, obzwar hier keine denentsprechende Prädikat-objektbeziehung besteht (vgl. P. 2). Deshalb werden in diesem Artikel die Reflexivverben von jenem Typ als Pseudoreflexiva bezeichnet. 5. Im Zusammenhang mit einer weiteren Prädikatisierung der Nominativkonstruktion entsteht der *modus relativus*: *tėvas atėjęs* „der Vater soll gekommen sein“, seine Funktion (ein Geschehen ausserhalb des Geschehens der Sprechenden oder handelnden Person) behält die semantische Motivierung der Verben dicendi, audiendi usw. 7. Das Lettische, einige Neuerungen ausgenommen, weist in allen besprochenen Erscheinungen die volle Übereinstimmung mit dem Litauischen auf. 8. Die slawischen Sprachen kennen in ihren älteren Phasen sowohl

die Akkusativ- (vgl. ač. *vizu tě stojec*=lit. *matau tave stovint(i)* „ich sehe dich stehenden, dass du stehst“) als auch die Nominativkonstruktion, ebenfalls die Pseudoreflexiva (vgl. ač. *vizu sě stojěě*=lit. *matąsi stovįs* „ich sehe mich stehenden, dass ich stehe, ač. *mní sě jmajě* =lit. *manosi turįs* „er meint (von sich), dass er hat“); mit dem modus relativus ist die slaw. Konstruktion in der Art dec. ač. *nevie (sě) čso čině* (=lit. *ne(si)žino, ką darąs*) „er weiss nicht (von sich), was er tut“ verwandt. Solche Systemübereinstimmungen garantieren, dass die Beziehung der Baltischen und slawischen Fakten einen genetischen Charakter hat.

9. Beim nahestehenden dem balt. modus relativus, estnischen modus obliquus *isa tulevat* (=lit. *tėvas ateinąs, ateisiąs*) „der Vater soll kommen“ (für Präs. sowie für Fut.) handelt es sich umgekehrt um eine Übereinstimmung der Modell mit verschiedener Entwicklungsperspektive.
